

Таким образом, архивные материалы подтверждают литературные данные о наличии ранних браков у хантов и манси в прошлом, вызванных обычаям сговора и уплаты калыма (чаще всего это касается невест), о распространении у них двоеженства и многоженства (по большей части, вероятно, у северных хантов, живших в тесном соседстве с ненцами), а также обычая левирата. Наличие большого числа браков, в которых жена старше мужа, возможно, объяснялось и тем, что в семье брали девушек-работниц.

Наши материалы позволяют высказать предположение, что обычаи заключения ранних браков и многоженства ранее всего стали отмирать среди южных хантов, южных и западных манси, которые раньше других групп были христианизированы и подверглись влиянию пришлого населения.

И. Мухиддинов

**ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ПАМИРСКИХ ТАДЖИКОВ,
СВЯЗАННЫЕ С ЖИЛИЩЕМ.
КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.
[Материалы к Историко-этнографическому
атласу народов Средней Азии
и Казахстана] ***

В высокогорных долинах Западного Памира на террасах и конусах выноса р. Пянджа и его притоков располагаются селения памирских таджиков (язгулемцев, рушанцев, бартангцев, шугнанцев, ваханцев, ишкашимцев), или, как их называют нередко в специальной литературе, припамирских народностей¹.

Планировка и способы постройки традиционного жилища памирских таджиков получили значительное освещение в литературе², однако обычаи и обряды, связанные с ним, недостаточно изучены. Между тем в прошлом они строго соблюдались и исполнялись. Многие из них можно рассматривать как пережитки анимистических верований, магии, культов огня и очага, культа предков. Впоследствии все эти обычаи и обряды в той или иной степени испытали влияние более поздних религий, особенно исмаилизма³.

* В основу данной статьи положены полевые материалы автора, собранные на Западном Памире в 1965, 1968—1969, 1972—1976 гг.

¹ О них см.: *Моногарова Л. Ф.* Современные этнические процессы на Западном Памире. — Сов. этнография, 1965, № 6; *ее же*. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М.: Наука, 1972, с. 86—94; *ее же*. Эволюция национального самосознания припамирских народностей. — В кн.: Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1980, с. 125—135.

² См. библиографию: *Биснек А. Г., Зельдович Н. М.* Этнография народов Памира. — Сов. этнография, 1940, III; *Писарчик А. К.* Примечания и дополнения к кн.: *М. С. Андреев*. Таджики долины Хуф. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1958, в. 2; *ее же*. Припамирские таджики. — В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 673 (серия Народы мира. Этнографические очерки); *Моногарова Л. Ф.* Материалы по этнографии язгулемцев. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. II. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 37—50 (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XLVII); *Мухиддинов И.* Стенные росписи жилищ в селении Ягид (Дарваз) и связанные с ними поверья и представления. — Сов. этнография, 1964, № 2, с. 108—115.

³ Среди памирских таджиков ислам распространился в форме исмаилизма. См. *Дондихудоев Х.* Очерки философии исмаилизма. Душанбе: Дониш, 1976.

Отдельные элементы жилища: пять деревянных опорных столбов-колонн, две балки-прогоны, сводчатый потолок (*чорхона*), светодымовое отверстие (*руз*) в нем, дверь и очаг — считались священными, обладающими сверхъестественной силой.

Главный опорный столб (*шасатан*, *шокастин*) — «царская» колонна — олицетворял бога-творца Муртузо-Али, колонна (*чипрезаксетан*) напротив него — пророка Мухаммада, колонна (*сартекисетан*) у очага — Фотимаи-Зухро (дочь Мухаммада, жена Муртузо-Али), а две колонны, образующие входной проем жилого помещения, соединенные деревянной планкой (*бучкигидж*) с резным орнаментом, чаще всего с изображением солярных знаков, — Хасана и Хусейна, сыновей Муртузо-Али и Фотимы, внуков пророка Мухаммада. По поверью, балки-прогоны были формой (*колаб*) жилища и тоже олицетворяли пророка Мухаммада, а главный опорный столб-колонна — душой (*джон*) жилища, олицетворявший, как отмечалось выше, Муртузо-Али. Все эти балки и опорные столбы-колонны составляли ядро жилища, т. е. Муртузо-Али. Именно он, по словам наших информаторов, «управлял домом», на нем «держался дом». А. К. Писарчик пишет: «...был обычай в момент установки этого столба резать барана, кровью которого смазывали прогоны „вус“. Одна ножка зарезанного животного закапывается под „ха-сетан“. В богатых хозяйствах по одной ножке барана закапывают под все четыре столба, чтобы обеспечить обитателям дома благоденствие и богатство»⁴. Одушевляя главный столб, ему приносили жертвы, оказывали почтение, около него и над ним совершали различные магические и связанные с культом предков обряды. По нашему мнению, это свидетельствует о связи столбов-колонн, особенно главного столба, с культом предков. Под влиянием исмаилитской идеологии несущие кровлю основные конструкции, в том числе и опорные столбы-колонны, стали считаться олицетворением бога-творца и святых пророков. Это очень яркий пример переосмысления древних анимистических верований.

Следует отметить, что аналогичные представления были и у древних индийцев. Так, по сведениям Б. А. Литвинского, «в древнеиндийских космогонических представлениях вообще особое место занимает жертвенный столп (космический столп)... Жертвенный столп обеспечивал связь между миром людей и миром богов, тем самым приобретая космический смысл... Микрокосмос, имеющий одинаковую структуру с макрокосмосом — Вселенной, также снабжен центральным столпом или колонной. Подобно Вселенной, жилище человека содержит этот элемент»⁵.

Главному столбу придавалось особое значение. Во время землетрясения подходили к столбу и, обняв его, молились, прося отвратить беду, спасти дом от разрушения. У всех памирских таджиков в прошлом было принято, не застав в доме хозяев, подойти к колоннам, олицетворяющим Хасана и Хусейна, и оттуда поздороваться с главным столбом. Культ его особенно ярко проявлялся в дни празднования Нового года, в торжественный день первой пахоты и в первый день жатвы зерновых культур⁶. К мусульманскому Новому году — Навруз (у памирских таджиков *Шогуни боор*) на стены и столбы-колонны, прежде всего на *шасатан*, наносили рисунки бобовой мукой. Для этого опускали руку в муку и, вынув, тут же прикладывали ее к каждой из четырех сторон (граней) столбов-колонн на высоте 100—120 см от пола. При этом столб-колонну поздравляли с Новым годом, говоря: «*Шогуни боор мубарак!*» (Поздрав-

⁴ Писарчик А. К. Примечания и дополнения к кн.: М. С. Андреев..., с. 445.

⁵ Литвинский Б. А. Памирская космология. — В кн.: Страны и народы Востока, в. XVI — Памир. М.: Наука, 1975, с. 257.

⁶ Ср.: Розенфельд А. З. Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения Советского Бадахшана. — Сов. этнография, 1970, № 3, с. 117; Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей,

ляем с весенним праздником!). Кроме того, горстями бросали муку на стены, получая определенные изображения.

В кишлаках Сипондж (Бартанг) и Вомар (Рушан) на все опорные столбы-колонны налепляли по только что испеченному блину и оставляли его на неделю и более. В день празднования Дня первой пахоты специально выпеченные ритуальные лепешки и немного семенного зерна клали в мешочек, привязывали его к шасатан на трое суток в надежде на ниспослание благодати семье. Нередко первые созревшие колосья ячменя или пшеницы нового урожая привязывали к верхней части главного столба-колонны и оставляли там вплоть до предновогодней уборки жилища. Надо сказать, что эти столбы выделяются богато орнаментированными капителями⁷.

К магическим обрядам относится и обряд опоясывания (*камарбандон*) мужской половины дома⁸ с целью особого выделения этой части жилища. Камарбандон по смыслу аналогичен «опоясыванию» конусообразной кучи очищенного зерна на току, символизировавшей «тело» патрона земледелия, Деда-Земледельца⁹. Весь дом, как было отмечено выше, считался одушевленным существом, олицетворением мужчины.

Об обряде опоясывания мужской половины дома мы впервые услышали в 1976 г. во время полевых работ на Западном Памире. По народным представлениям, этот обряд — богоугодное дело. Он заключался в следующем: на мужской половине дома во время сооружения кровли или установки опорных пристенных столбов в продольную стену закладывали на высоте 80—100 см от поверхности суфы деревянную обструганную доску (*марза*) толщиной в 10 и шириной в 20 см. Часть этой доски (8—10 см), не заделанная в стену, служила полкой. Приступая к опоясыванию (к закладыванию доски в стену), читали молитву, прося благополучия семье в новом доме, большого количества детей, счастья. В праздник Нового года на этой полке устанавливали выпеченные из ржаной муки ритуальные хлебцы в виде фигурок барана, козла, быка, лошади, дикого козла, куропатки и т. п., считая, что это обеспечит семье в Новом году обильный урожай, увеличение поголовья скота, надоев молока, удачную охоту. В этом обряде ярко проявлялись пережитки как имитативной магии, так и анимистических верований (одушевление жилища).

Магические обряды сопровождали и вселение семьи в новый дом. Вселяющаяся семья должна была устроить праздник новоселья — *хонадароен*¹⁰, для которого хозяин заранее заготавливал муку, баранов, фрукты и т. д. Он обращался к халифа (помощнику пира — духовного наставника у исмаилитов) с просьбой определить «счастливый день» и «счастливый час»¹¹ для вселения в новый дом. Этот день обычно приходился на четверг¹², а час — на послеобеденное время.

В долине Шахдары (кишлак Синдев) «счастливые» день и час зависели от местонахождения планеты Марс (Ситораи Миррих), которое

с. 89; Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX в. М.: Наука, 1975, с. 93 и сл.

⁷ Моногарова Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев, с. 45—48.

⁸ В традиционном однокамерном жилище памирских таджиков вдоль трех стен устраивали нары (суфы). На одной из продольных нар (слева или справа от входной двери) находился очаг. Эта сторона считалась женской, а противоположная — мужской половиной дома.

⁹ Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима, с. 104—108.

¹⁰ Этот праздник существенно отличался от аналогичного праздника у таджиков других регионов Таджикистана. Ср.: Писарчик А. К. Жилище. — В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. — Душанбе: Дониш, 1970, с. 48; Давыдов А. С. Жилище. — В кн.: Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе: Дониш, 1973, с. 126.

¹¹ Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима, с. 93 и сл.

¹² А. К. Писарчик отмечает, что закладку фундамента производили в четверг (панджшанбе). См. Писарчик А. К. Примечания и дополнения к кн.: М. С. Андреев ..., с. 432. Наши полевые материалы свидетельствуют о том, что закладку фундамента производили только в воскресенье, а в четверг праздновали новоселье.

халифа определял (как и других светил) по специальной книге «Соатнома» («Трактат об определении времени»). Например, для кишлака Синдев «счастливые день» и «счастливые час» бывают в момент нахождения Марса на Юге. Если же в этом кишлаке несколько семей должны были вселиться в новый дом, то новоселье они отмечали одновременно. Время, когда Марс был на Западе, Востоке или Севере, считалось неблагоприятным для вселения в новый дом.

В «счастливые день» и «счастливые час» халифа приходил в новый дом и читал молитву. Затем хозяин дома брал чашку ржаной или бобовой муки и, став между столбами, олицетворявшими Хасана и Хусейна, приветствовал главный столб-колонну, произнося: «Во имя аллаха милостивого и милосердного, [чтобы] размножилась основа семьи, [чтобы] старики дожили до глубокой старости, молодежь достигла своей цели». При этом он сыпал муку (так же, как в день Нового года) на шасатан и на другие опорные столбы-колонны, балки, стены и очаг (в Язгулеме, кроме того, зажигали светильники *нукча зезъм*, которые укрепляли по углам очага). Затем самая старшая из женщин семьи вносила в дом домашнюю утварь, а иногда палас, который стелила на суфе мужской половины. Она поздравляла хозяина дома, посыпая при этом его правое плечо бобовой мукой. После этого вновь в дом заходил халифа и читал молитву. Вслед за ним появлялись гости-старики. Всех угощали мучным киселем (*бат*), мясным супом (*шурбо*), кислым молоком, сыром (*курут*), сухими фруктами.

Далее приступали к исполнению обряда жертвоприношения животного, чаще всего барана. Тщательно вымытого барана хозяин вводил в дом, где халифа, не спуская глаз с животного, опять читал молитву. Затем барана поднимали на кровлю дома, поворачивали в сторону каабы (*киблы*) и резали так, чтобы кровь стекала по стене. Следы крови оставались на ней до тех пор, пока не исчезали под действием солнца, ветра и осадков. Ишкашимцы в кишлаке Рын резали барана перед очагом, который считался священным местом в доме. Кроме мясных блюд для угощения готовилось большое количество лепешек. По существовавшему издавна обычаю все женщины кишлака принимали участие в их выпечке. Муку для этого давал хозяин нового дома. Родственники, придя за мукой, узнавали у хозяина, в чем нуждается семья для проведения обряда. Он называл все необходимое (овцы, зерно, масло и т. п.).

В «счастливые час», обычно в полдень в четверг, собирались гости. Все поздравляли хозяина с новосельем, родственники дарили ему овец, паласы, зерно, масло—то, в чем нуждалась семья. Остальные гости—только выпеченные в их доме лепешки. После угощения наступало веселье, продолжавшееся до позднего вечера: все развлекались, слушали певцов и музыкантов (игру на бубне, на ребабе)¹³, танцевали; иногда устраивались борьба, козлодрание и т. п. В Рушане (в кишлаке Дех) родственники не спрашивали хозяина, в чем он нуждается, а сами окольными путями узнавали об этом и приносили необходимое.

В семьях бедняков, особенно в Язгулеме, резали на крыше дома не барана, а курицу. Если не было и курицы, то готовили *курутоб* (блюдо из овечьего сыра, разбавленного горячей водой), или *ширравган* (кипяченое молоко с маслом), либо *нонуравган* (размельченные лепешки, смешанные с маслом) или угощали горячими лепешками с маслом, молоком или кислым молоком. На новоселье приглашали всех близких родственников и двух-трех соседей-стариков. Близкие родственники приносили с собой кислое молоко, мясной суп и четное число лепешек.

В прошлом у памирских таджиков бытовал обычай «приглашение» — *даъват*. В Рушане и в долине Бартанга его связывали главным образом с жилищем, а не с началом или завершением сельскохозяйственных работ, как в других местностях Западного Памира. Через три-четыре года (но не более пяти лет) после вселения в новый дом хозяин должен был

¹³ Ребаб — струнный смычковый музыкальный инструмент.

устроить даъват. В течение нескольких лет он готовился к этому: собирал нужное количество голов скота, заготавливал продукты — зерно, масло, сыр, сухие фрукты и др., приобретал подарки для гостей — отрезки тканей, платки и т. п. Незадолго до проведения даъват хозяин обсуждал этот вопрос со старейшими членами своей патронимии (*каум, гру, авлод, тухм*). Если они считали, что продуктов и вещей заготовлено достаточно, то обращались к халифа. Если и халифа находил подготовку законченной, он сообщал пиру о намерении такого-то человека устроить даъват и о количестве заготовленного. Если, наконец, и пир соглашался с мнением халифа, то разрешал провести этот обряд, обещая присутствовать на нем со своими мюридами¹⁴, или же поручал халифа руководить обрядом. Были случаи, когда пир, не удовлетворенный количеством заготовленных продуктов и вещей, переносил проведение этого обряда на следующий год.

После согласия пира устраивали даъват в «счастливый день», названный халифа, обычно в четверг. Все мужчины — родственники хозяина дома, принадлежавшие к той же патронимии, принимали самое активное участие в подготовке даъват, ибо проведение его считалось большой честью для всей патронимии.

В четверг, с утра до полудня, две-три соседки выпекали у себя лепешки, получив необходимое количество муки от хозяина дома. Утром совершалось и ритуальное омовение трех-четырех животных (крупных баранов и быков), предназначенных для заклания. Их мыли, тщательно вытирали чистой хлопчатобумажной тканью (*карбос*). При этом с жертвенными животными обращались ласково, ибо считалось, что они обладали сверхъестественной силой, и если их обидеть, то можно разгневать бога. Животных после ритуального омовения не кормили. Перед закланием их осторожно, всячески подчеркивая уважительное к ним отношение, вводили в дом, ставили между суфами головой в направлении каабы. Быка приветствовали (как и в праздник Нового года)¹⁵ и посыпали ему лоб бобовой мукой, чтобы в доме был достаток и счастье, а баранам сурьмой подводили глаза, ресницы, брови, на носу от бровей до верхней губы проводили черту, придавая морде барана сходство с лицом человека, голову повязывали чалмой (*сала*) из белой хлопчатобумажной ткани (в этом обряде баран олицетворял человека)¹⁶. Затем, после прочтения халифа молитвы, животных уводили и в «счастливый час» резали: быка в наиболее чистом месте усадьбы, например в саду, а баранов в доме, возле очага. Предварительно баранам связывали ноги веревкой, сплетенной из шерсти этих баранов после их ритуального омовения (другую веревку использовать не разрешалось).

Кровь жертвенных баранов собирали в таз, она считалась ритуально чистой, ей приписывались целебные свойства¹⁷. Бычью кровь не употребляли, а выливали в том месте, где резали животное. Из мяса жертвенных животных готовили обильное угощение и обязательно суп.

После трапезы халифа вновь читал молитву и наступало веселье. Все пели, танцевали и развлекались до 10—11 часов вечера. Потом люди, чувствуя себя усталыми и неспособными далее участвовать в обряде, расходились по домам. Среди оставшихся обязательно были пир и его мюриды, почитаемые старики и старухи, а также музыканты и певцы; двери дома были открыты для всех желающих. Пир читал молит-

¹⁴ Мюриды читали и пели религиозные повествования о божетворце Муртузо-Али, его сыновьях и о Шах-Носири-Хусрав (Носири Хисрау).

¹⁵ *Мухиддинов И.* Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима, с. 96.

¹⁶ В одном из преданий, записанных нами в Рушане, рассказывается, почему в жертву вместо человека стали приносить барана. Аналогичное предание известно и в Язгулеме. См. *Моногарова Л. Ф.* Материалы по этнографии язгулемцев, с. 74.

¹⁷ Бездетные женщины мазали ею живот в надежде родить ребенка, старики и старухи пили ее как лекарство. Этой кровью слегка смазывали стволы плодовых деревьев, поливали их корни, «обеспечивая» этим хороший урожай плодов. Оставшуюся часть бараньей крови высушивали и впоследствии использовали в разных целях, например посыпали ею пашню — считалось, что это повышает урожай зерновых культур.

ву и объявлял начало основной части обряда — радений, которые продолжались с 10—11 часов вечера до наступления утра. Мужчины сидели на суфе мужской половины, женщины — на противоположной, женской, у очага, а пир — на почетном месте. Певцы из числа мюридов (четыре — шесть человек) со своими музыкальными инструментами *ребабам* и *дутарами* стояли между суфами и, сопровождая себя, исполняли религиозные повествования о святых. Когда они произносили имя того или иного святого, мужчины, держась одной рукой за ворот халата, второй били себя в грудь, и при этом плакали, стонали, доводя себя до истерики; женщины же, держась за воротник, молча раскачивались, наклоняясь вперед и откидываясь назад. На заре пир читал молитву, после чего каждому из присутствующих хозяин дома давал его долю (*насиба*)¹⁸ — кусок мяса (от 200 до 400 г) и лепешку.

Утром односельчане расходились по домам, а пира с мюридами, приехавшими издалека, угощали завтраком; каждому вновь давали *насиба* и ценные подарки: пиру и наиболее знатным мюридам — баранов, остальным — по отрезу материи. После этого пир читал молитву, завершая обряд *даъват*. Теперь дом и все, что в нем находилось: дети, рожденные в доме, приготовленные продукты, предметы домашнего обихода — было ритуально чистым. Если же в доме не совершался обряд *даъват*, он считался «поганим», «скверным» (*харом*). Его сравнивали с невенчанной невесткой или с незаконнорожденными детьми. Поэтому в прошлом каждая семья, построившая новый дом, вынуждена была обязательно устроить этот обряд.

Особым почитанием у памирских таджиков пользуется очаг (*кцср*)¹⁹. Покровителем огня (*алов*) считался Мухаммад-Али, он же Муртузо-Али, а покровительницей (*пири пухта*) очага — Фотимаи-Зухро. В очаг (вообще в огонь) нельзя было бросать отбросы. Если женщина, подозреваемая в совершении дурного поступка, клялась «Ба акки алов», «Ба акки пири пухта», ее считали невиновной. Все это свидетельствует о пережитках древнего культа огня.²⁰

Очень торжественно отмечалось первое разжигание огня в новом очаге. В Ишкашине (кишлак Рын), долине Бартанга (кишлаки Басид, Сипондж), Шугнани (в долине Шахдары) «счастливым часом» для разжигания огня в новом очаге считался момент вселения в новый дом. Зажигала огонь почитаемая старуха, обычно хозяйка дома. В котле варили *бодж* — блюдо из пшеничной крупы с мясом (ноги, голова, требуха зарезанного барана). *Бодж* ели все члены семьи и по чашке относили соседям, которые после еды читали молитву и благословляли хозяина дома.

Следует отметить, что снаружи на боковых стенках очага (иногда только на одной из них) делали специальные углубления (*дзунгак арзон* в Рушане, *лангари дегдон* в Ишкашине — кишлак Рын) диаметром 10 и глубиной 5 см для священного курения (*страхм* — трава *рута*). Эти углубления считались священными, в них зажигали священное курение в честь духов-предков и недавно умерших, а также в дни праздников. Наступить ногой на эти углубления было большим грехом. Если кто-либо из членов семьи отправлялся в дальний путь, он перед выходом из дома целовал это священное место и насыпал себе в сапоги немного золы из очага. Такие действия обеспечивали удачу в пути, покровительство пири пухта и благополучное возвращение домой. Священное курение зажигали в углублениях очага во время свадьбы, перед выходом из

¹⁸ Мясо жертвенных животных, нарезанное кусками, варили в котле до готовности. Переложив куски мяса на большое деревянное блюдо или в мешок, хозяин оделял ими всех собравшихся, при этом он должен был давать не выбирая любой попавшийся в руки кусок (*насиба*).

¹⁹ О способах устройства очага см.: Писарчик А. К. Примечания и дополнения к кн.: М. С. Андреев ..., с. 455 и сл.; ее же. Жилище, с. 37 и сл.; Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре, с. 90; ср. Давыдов А. С. Жилище, с. 91 и далее, и с. 129.

²⁰ О культе огня у памирских таджиков см. Моногарова Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев, с. 54—55.

родного дома жениха и невесты. В Ишкашине жених, прежде чем отправиться за невестой, ладонями касался сначала правой, затем левой стороны этих углублений, потом лба и глаз (что означало целование очага), а в сапоги клал немного золы из очага, чтобы поездка была удачной и его сопровождал пири пухта. Невеста совершала те же действия перед выходом из дома своего отца. Аналогичные обряды исполнялись в Рушане и Бартанге²¹. Когда молодая впервые входила в дом своего мужа, она прежде всего подходила к очагу, приветствовала его и повторяла обрядовые действия, совершаемые у очага перед выходом из дома своего отца. Этот обряд — приобщение к очагу мужа — имел символическое значение клятвы молодой в том, что она будет служить этому дому верно, честно, будет уважать мужа и всех членов его семьи; в противном случае ее накажут пири пухта и покровительница очага Фотимаи-Зухро.

В Ишкашине постороннему человеку, входившему после наступления темноты в дом, где был младенец до полутора лет, по обычаю клали под ноги немного раскаленных углей и золы из очага. Считалось, что, наступая на огонь и золу, он «очищал свой след». После этого он мог пройти на суфу. Если этого не сделать, то тяжесть и усталость гостя могли перейти на младенца, семью и принести им несчастье.

В этих обрядах отчетливо проступают пережитки культа огня и домашнего очага.

С дверью и светодымовым отверстием в кровле у памирских таджиков связаны разные поверья. Через дверь в дом «проникали» злые духи (джины, шайтаны), а через «чистое» светодымовое отверстие — ангелы и святые. Таким же путем все они покидали дом. Чтобы изгнать из дома злых духов, зажигали священное курение для ангелов и святых. Считалось, что им приятно вдыхать этот аромат и они за это пошлют семье благополучие. Когда зажигали священное курение, в доме нельзя было кричать, ссориться, так как находившиеся здесь в это время ангелы и святые могли обидеться и уйти, и тогда в этом доме не будет благополучия.

Известны и некоторые запреты, связанные с жилищем. В Ишкашине (кишлак Рын), Шугнани (долина Шахдара), Бартанге (Басид и Сипондж), в Рушане (Вомар) нельзя было стоять между столбами Хасан и Хусейн, т. е. под планкой *бучкигидж*, потому что там, якобы, обычно находятся джины (*аджина*). Если человек будет долго стоять между этими столбами, джины нашьют на него болезнь. По обычаю, только согрешивший человек (например, девушка, потерявшая честь, или юноша, согрешивший с девушкой, и т. п.) должен стоять между этими столбами до тех пор, пока хозяин дома не простит его. Нельзя было бросать между столбами кости, грязные вещи и т. п. Нельзя было также выходить из дома, не вымыв рук после жирной еды, так как злые духи могли причинить вред.

У памирских таджиков горный козел был священным животным. Поэтому на планку *бучкигидж* всегда ставили его рога, служившие, по народным представлениям, оберегом: дурной глаз входящего попадет на рога горного козла и они устранят злые намерения человека. Такую же магическую роль оберега, по поверью, играет и солярный орнамент²² на планке *бучкигидж*. Он воспринимался как олицетворение самих святых, охраняющих дом и его обитателей от вредоносных сил и стихийных бедствий.

В первые два дня Нового года и в последний день каждого месяца до 16—17 часов первого дня следующего месяца лунного календаря в кишлаке Рын (Ишкашим) нельзя было принимать в доме посторонних. Считалось, что хозяин не знает, хороший или плохой человек пришел в

²¹ См. Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей, с. 140 и сл.

²² Об орнаменте см. Писарчик А. К. Примечания и дополнения к кн.: М. С. Андреев ..., рис. 104, с. 448.

дом, какой «принес след» (*пай мерасад*), не станут ли из-за этого несчастными на весь месяц или даже год члены семьи.

На основании вышеизложенного можно прийти к заключению, что в традиционных обычаях и обрядах, связанных с жилищем, у памирских таджиков прослеживались пережитки древних анимистических представлений, культа предков, магии, культов огня и очага. Общеизвестно, что вне обычая обряда не существует. Обычай и связанные с ним обряды на протяжении исторического развития народа переосмысляются, особенно под влиянием позднейших религий, возникших в классовом обществе. Дать их четкую классификацию трудно, потому что один и тот же обряд часто может быть выражением и магии оберега, и культа предков, и культа очага. У памирских таджиков анимистические верования проявлялись во всех обрядовых действиях, связанных с жилищем, но особенно в одушевлении как жилища в целом, так и отдельных элементов его конструкции.

Обряды, совершавшиеся во время опоясывания (камарбандон) мужской половины дома, новоселья (хонадароен), обряд приглашения (даъват), а также новогодние обряды несомненно связаны с магией оберега, плодородия и имитативной (например, выпекание и выставление на полке хлебцев в виде домашних и промысловых животных).

Пережитки культа предков, с помощью которых надеялись достичь благополучия семьи, обильного урожая и большого приплода в стаде, проявлялись в обычаях принесения жертв балкам-прогонам и столбам-колоннам, в «кормлении» их.

Былая роль древних культов огня и очага в жизни памирских таджиков прослеживается в обрядовых действиях при вселении в новый дом, первом разжигании огня в новом очаге, при прощании невесты с очагом родного дома и приобщении к очагу дома жениха, но особенно в клятве огнем. В «очищении следа» постороннего человека раскаленными углями и золой из очага проявляются как пережитки культа огня и домашнего очага, так и магии оберега.

Почти все обычаи и обряды, рассмотренные в статье, в той или иной мере испытали влияние исмаилитской идеологии. Яркий пример этого — олицетворение балок-прогонов и опорных столбов-колонн с богом-творцом и святыми, а также руководящая роль исмаилитского духовенства, присвоившего себе функции жрецов (шейхов) в проведении семейных и общественных обрядов. Следует отметить, что у памирских таджиков нередко семейные обряды тесно переплетались с общинными, например в обрядах хонадароен и даъват.

И. Л. Кызласов

ГОРА-ПРАРОДИТЕЛЬНИЦА В ФОЛЬКЛОРЕ ХАКАСОВ

*Когда впервые выросла на черной земле трава,
Крепкие деревья покрылись листьями,
Вершины хребтов покрылись снегом,
Появились истоки больших рек,
Растворились золотые двери гор...*

(Из хакасского фольклора)

В июне 1974 г. в улусе Райкове бабушка Домна Кызласова, родившаяся в 1896 г., рассказала нам немногословную легенду о происхождении названия Сахсарского хребта. «Сахсар — женщина была. Когда пришла ей пора умирать, она подошла к горе, постучала и сказала: „Вот я и пришла“. Гора расступилась и женщина вошла в нее. Поэтому и зовут теперь гору — Сахсар».